

Дуань Чжишу после вступления в должность оперативно разобралась с несколькими застарелыми делами о захвате домов и полей местными деспотами, за что заслужила всеобщее признание народа, и порядок в уезде Хэси начал постепенно восстанавливаться. Новые чиновники в административном центре, уезде Хуа, не стали занимать старый дворец правителей государства Хуа, а подыскивали бесхозную усадьбу, привели её в порядок и обустроили там канцелярию. Фан Сиюй и Му Цинцюань были загружены работой больше всех, с утра до ночи сбиваясь с ног. Поскольку мобилизацию пока не проводили, Ду Сянчэну с подчинёнными оставалось лишь поддерживать порядок, так что их будни проходили относительно спокойно. Дуань Чжишу каждый день сопровождала Лу Даолия в поездках, успокаивая народ, а делами, связанными с тюрьмами и судебными тяжбами, занимался Вэй Синьчжун. Гао Уцзи со своей стражей вернулся в государство Бохай с докладом, а Чжэн Аньа оказалась в этот период самой свободной — целыми днями она слонялась без дела.

Новые законы были суровы, и поначалу народ к ним не привык: постоянно вспыхивали стихийные бунты, случались правонарушения. В один из дней число приговорённых к смерти достигло семисот человек. Вэй Синьчжун одним росчерком пера отправил всех на плаху, чем до смерти перепугал жителей всего уезда. Однако вскоре люди поняли, что новые законы в равной мере касаются и знати, а не только простолюдинов. После того как Вэй Синьчжун казнил одного из бывших аристократов государства Хуа, притеснявшего народ, а затем приказал отрезать нос офицеру из Гаочана, который напился и провалил задание, отношение к законам смягчилось. Люди перестали роптать и начали задумываться о том, как заслужить чины и титулы.

В один из выходных дней Чжэн Аньа пригласила всех на чай. Вэй Синьчжун и Ду Сянчэн пришли первыми.

— Принцесса, Гао Уцзи с людьми уже вернулись? — поинтересовался Ду Сянчэн.

— Да, — ответила Чжэн Аньа. — Опасности больше нет, вот они и отправились к Цинъюань-цзюню с докладом.

— Эх, если бы он мог остаться, — с сожалением вздохнул Ду Сянчэн. — С таким мастерством он стал бы отличным наставником для наших бойцов.

— Я пыталась его оставить, — Чжэн Аньа поставила чашку. — На самом деле он и сам был не прочь задержаться. Говорил, что с нами интереснее и всегда есть возможность повоевать, а быть стражником у Цинъюань-цзюня, хоть и почётно, но слишком скучно. Но потом он вспомнил, что его брат тоже служит вдали от дома, а дома осталась лишь старая мать, так что он не может её оставить.

Вэй Синьчжун заметил:

— Он человек думающий. Вы обратили внимание в прошлый раз? Он на словах называл военное искусство уделом аристократов, но по его лицу было видно, что он с этим не согласен.

— Я тоже считаю, что из него вышел бы отличный полководец. Жаль, не знаю, хватит ли ему

удачи, — кивнула Чжэн Анья.

Вэй Синьчжун погладил бороду и, цокнув языком, произнёс:

— Если бы он служил у нас в Хэси, то сначала стал бы помощником генерала Ду, а потом и сам дослужился бы до генерала — это не составило бы труда. А вот в государстве Бохай всё куда сложнее.

Чжэн Анья недоумённо спросила:

— Разве не говорят, что ван Бохая — мудрый правитель, а его сановники — достойные люди? Если у человека есть способности, разве у него не будет шансов?

— Не факт, — покачал головой Вэй Синьчжун. — Хотя ван Бохая и славится мудростью, жители государства в большинстве своём довольно консервативны. Принцесса, вы не заметили? Они придают огромное значение ритуалам.

— Я видела. Ритуалы в Бохэе невероятно сложны, удивительно, как Линь Чанцин всё это запоминает и ни разу не ошибается.

— А как вы думаете, для чего им нужны эти ритуалы?

— Хм... — Чжэн Анья нахмурилась. — Даже не знаю. Такое чувство, что ритуал — вещь важная, без неё нельзя, но если их слишком много, это тоже нехорошо.

— Верно. Ритуал — это способ проявления уважения к людям. Поэтому при общении он действительно важен. Но у ритуалов есть иерархия: их сложность убывает от правителя к сановникам и учёным мужам, а до простого народа они вовсе не доходят, ведь ритуалы не касаются черни. Поэтому в государстве, где так чтут ритуал, и отношение к сословиям будет крайне строгим, причём это передаётся из поколения в поколение. Почему? Потому что ритуал пронизывает все стороны жизни. Возьмём обучение: если мальчику десять с лишним лет и он сын правителя, то помимо чтения он будет изучать проведение жертвоприношений и управление государством. Если он сын сановника — его учат управлять колесницей. Если сын учёного — правилам приёма гостей. А если он из семьи простолюдинов, как вы думаете, чему он должен учиться?

— Это... — Чжэн Анья склонила голову набок. — Честно говоря, не знаю. Мне всегда казалось, что дети простолюдинов с ранних лет помогают родителям по хозяйству. Разве нет?

Вэй Синьчжун постучал пальцами по столу:

— Именно. Учатся работать. Дети земледельцев — пахать и рубить дрова, дети ремесленников — мастерству, дети торговцев — считать и вести дела. Только и всего.

— Вы хотите сказать, что Гао Уцзи, будучи простолюдином, не имеет шансов стать генералом?

— По моим наблюдениям, Гао Уцзи всё же из рода служилых людей, просто семья обеднела. Иначе откуда у простого мальчишки такие навыки боя? Даже при большом желании он не нашёл бы хорошего наставника, а военные трактаты тем более не достал бы, ведь восемь из десяти простолюдинов неграмотны. Но статус служилого человека в Бохае не даёт веса при дворе. Обычно они лишь помогают знатым сановникам или живут у них на правах приживальщиков. Мудрость вана Бохая в глазах подданных заключается в том, чтобы выбирать достойных из круга сановников и аристократов, а люди со стороны в этот круг не входят. Скажем так: если начнется война и Цинъюань-цзюнь отправится в поход, то Гао Уцзи, заняв место в его колеснице, уже сочтёт это величайшей честью для своего рода.

— Как же много талантов зарыто в землю, — вздохнула Чжэн Аня.

Вэй Синьчжун с жаром произнёс:

— Теперь понимаете, принцесса, почему я решил следовать за вами? Я тоже из служилых людей. Хотя я и не считаю себя бездарностью, в Бохае мне не было места, и мои амбиции оставались нереализованными. Вот я и приехал в Гаочан попытать счастья.

— Постойте, — возразила Чжэн Аня. — Линь Чанцин совсем не такой закостенелый человек. Он часто бывал в Академии Цзися, общался и с сыновьями сановников, и с простыми учёными. Мне казалось, он не придаёт такого значения происхождению.

Вэй Синьчжун вздохнул:

— Ван Бохая — правитель достойный, но он всего лишь один человек. Двор состоит из монарха и его сановников. Если все министры против, правитель не сможет сделать того, что задумал. К тому же слава вана Бохая держится на том, что он умеет ценить таланты и слушать советы. Правитель, который уважает сановников и во всём с ними советуется, конечно, имеет добрую славу, но это также означает, что им легко манипулировать. Если дело правое, но половина сановников против, он, скорее всего, отступит. К тому же в Бохае могущественные кланы пустили глубокие корни, и не один ван Бохая находится у них в заложниках. Я помню, как до того, как ван Бохая взял власть в свои руки, канцлер Вэй тоже пытался проводить реформы и выдвигать талантливых людей. Но все они подвергались травле со стороны сановников: открыто те не выступали, но втихаря ставили палки в колеса. Сделают что-то хорошее — припишут себе, совершат ошибку — набросятся всей сворой. Молва сильнее золота: люди не могли показать результатов, теряли репутацию и постепенно оказывались на задворках.

Чжэн Аня снова нахмурилась:

— У вас очень необычный взгляд на вещи. Раньше я думала, что правитель должен прислушиваться к советам, а упрямство — это плохо. Выходит, не всё так однозначно?

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— Откуда у вас такие убеждения, принцесса?

— Из книг.

— Ха-ха, небось из мудрых книг? Но книги тоже пишут люди. А людям свойственны ограниченность, предвзятость и даже заблуждения. Советы сановников, верны они или нет, всегда продиктованы их собственными интересами, а совпадают ли эти интересы с государственными — большой вопрос. Мудрый правитель должен среди шума голосов выбрать самый верный, а это сложно. А выбрав — верить в своё суждение и идти наперекор всем, что ещё сложнее.

— А если правитель ошибся? — не удержалась Чжэн Анья.

— Правитель, конечно, может ошибиться, — ответил Вэй Синьчжун. — И чем дольше он правит, тем выше вероятность ошибки. Главное — вовремя исправить последствия, чтобы не нанести непоправимого урона. Принцесса, не стоит слишком заботиться о чужом мнении. В мире много людей и много языков, но тех, кто действительно умеет думать, единицы. Большинство лишь повторяет за другими. Если вы настойчивы и добились успеха — вы прозорливы, если потерпели неудачу — вы упрямы. А если не проявляете настойчивости? То же самое: добились успеха — вы умеете вовремя остановиться, потерпели неудачу — вы непоследовательны. У людей языки без костей, пусть болтают, что хотят.

В этот момент подошли Фан Сиюй и Му Цинцюань. Фан Сиюй, едва присев, принялась жаловаться:

— Принцесса, ну и дельце вы нам подкинули! Посмотрите, как мы с Цинцюань измотались за эти дни, а вы сами — одно удовольствие, отдыхаете!

Му Цинцюань, не столь близкая с принцессой, вежливо улыбнулась:

— Хоть мы и заняты, на душе спокойно. Я не люблю воевать, а эта работа мне по душе. Спасибо, принцесса, что дали мне этот шанс.

— Не стоит благодарности, — ответила Чжэн Анья. — Но я видела, как ты управлялась в городе Дунчан, у тебя отлично получалось.

Му Цинцюань слегка покачала головой:

— Хорошо делать дело не значит его любить. Я защищала Дунчан, потому что была нужна своей семье. Цинфэн ещё не вырос, и кроме меня некому было взять на себя ответственность. Я старшая дочь в роду, мой долг — служить опорой.

— Тебе нравится работа чиновника по учёту населения? — спросила Чжэн Анья.

— Да, — засмеялась Му Цинцюань. — С детства люблю возиться с бумагами, особенно с переписью. В Дунчане я любила ходить по домам, составлять списки, радовалась каждому новорождённому. Даже когда не было обходов, одно осознание того, что список растёт, грело мне душу.

Чжэн Анья улыбнулась:

— Тогда впереди тебя ждёт много радости. Люди плодятся быстро, за этот год во всём уезде Хэси наверняка прибавится с тысячу человек.

— В ближайшие годы не так много, а вот через десять лет — по несколько тысяч в год, — раздался голос Лу Даолиня, который только что вошёл вместе с Дуань Чжишу.

Увидев их, остальные подвинулись, освобождая места по обе стороны от Чжэн Аньи. Заметив, что Дуань Чжишу выглядит уставшей, принцесса обеспокоенно спросила:

— Учитель, вы утомились за эти дни?

Дуань Чжишу улыбнулась:

— Ничего страшного. Мы с господином Лу обошли дома знати в городе, всё в порядке, люди там разумные. Через пару дней нужно будет съездить в уезды Цзюй и Сянъи, подобрать там чиновников.

Лу Даолинь отпил чаю и сказал:

— Мы с госпожой Дуань как раз столкнулись с одним делом, о котором хотели бы вам рассказать.

<http://bllate.org/book/21787/2253490>